

Скоропад Алексей Эдуардович

**ПОЛИТПРОВЕРКИ КОМСОМОЛА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ
1920-Х ГОДОВ**

Выявляя роль политических проверок, проводимых в комсомольских организациях 1920-х гг., в системе советского политического контроля, автор показывает, что они были нацелены на выяснение степени лояльности молодежи Советской власти. Обращается внимание на всеохватность и непредсказуемость содержания политпроверок. Вся система политучебы, по мнению автора, и после введения политпроверок оставалась малоэффективной: у большинства комсомольцев отсутствовали реальные политические знания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/43.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. III. С. 161-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 184. Оп. 1.
2. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 44. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1719. Оп. 7.
4. Златоустовский архивный отдел администрации города (ЗАОАГ). Ф. 11. Оп. 1.
5. Сафонов Д. А. Между империей и республикой Советов: местные власти на Южном Урале в 1917-1918 гг. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. 448 с.
6. Советская милиция: история и современность (1917-1918). М.: Политиздат, 1987. 456 с.
7. Храпцов А. Б. Березовская уездная милиция в 1917-1919 гг.: от организации до ликвидации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. II. С. 192-195.
8. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф. Р-383. Оп. 1.
9. Чудакова М. С. Правоохранительные органы России (февраль-октябрь 1917 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12). Ч. I. С. 221-224.

ZEMSTVOS ACTIONS ON POLICE REPLACEMENT BY MILITIA WITHIN URAL IN 1917

Semenchenko Irina Vasil'evna, Doctor in History, Associate Professor
South-Ural State University (Branch) in Zlatoust
semenchenko-58@mail.ru

The author reveals zemstvos actions on police replacement by militia within Ural after the February Revolution, shows that zemstvos activity included recruitment and strengthening the material-technical base of militia, reveals and substantiates both positive and negative features of this process, and basing on the conducted research suggests using zemstvos historical experience in modern local governments work.

Key words and phrases: zemstvo; militia; material-technical base of militia; recruitment to militia.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Выявляя роль политических проверок, проводимых в комсомольских организациях 1920-х гг., в системе советского политического контроля, автор показывает, что они были нацелены на выяснение степени лояльности молодежи Советской власти. Обращается внимание на всеохватность и непредсказуемость содержания политпроверок. Вся система политучебы, по мнению автора, и после введения политпроверок оставалась малоэффективной: у большинства комсомольцев отсутствовали реальные политические знания.

Ключевые слова и фразы: молодежь; комсомол; политический контроль; коммунистическая партия; политучеба; политпроверки.

Скоропад Алексей Эдуардович

Тамбовский государственный технический университет
hist-tstu@mail.ru

**ПОЛИТПРОВЕРКИ КОМСОМОЛА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ 1920-Х ГОДОВ[©]**

Формирование в начале 1920-х гг. довольно разветвленной системы комсомольского политпросвещения привело к решению проводить специальные политпроверки, чтобы определять эффективность политзанятий [16, с. 53]. Согласно решениям III Всероссийской конференции РКСМ в июне 1923 г. по итогам политпроверок все комсомольцы распределялись по 3 разрядам: политически неграмотные; обладающие некоторой подготовкой и способные к самостоятельной работе; способные к самостоятельной, а после подготовки – к пропагандистской работе.

В указании ЦК РКП(б) «О постановке политобразования в РКСМ» от 31 августа 1923 г. перед партийными организациями коммунистов была поставлена задача оказывать поддержку в проведении политической проверки знаний комсомольцев. Основными составляющими партийной помощи в организации политпроверок назывались: обязательное включение в состав комиссий по политической проверке комсомольцев представителей партийных комитетов; проведение СМИ широкой пропаганды политических проверок; оповещение о результатах проведения политических проверок; широкое оповещение о комсомольцах, которые не смогли выдержать политический экзамен; «система вопросов и ответов в форме товарищеской, но требовательной, взыскательной беседы» [7, с. 96] как основной метод проведения проверки. Перед началом

политической проверки ЦК РКСМ был обязан представлять Центральному Комитету РКП(б) соответствующую информацию, а по окончании политической проверки – доклад о ее результатах, о проведенной в этом направлении работе, выявленных «политически неграмотных» комсомольцах.

Еще один шаг по имплантации политпросвещения в систему политического контроля сделал XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.). Последовало решение объединить под руководством партийных комитетов работу политпросветов отделов народного образования, культурно-массовых отделов профсоюзов, отделов политического просвещения комсомола и политотделов Красной Армии [5, с. 122]. Предлагались срочные меры по более полному использованию всех членов партии, способных вести работу по политическому просвещению. В частности, планировалось переводить их именно на политико-просветительную работу с других участков партийной и государственной деятельности. Из состава коммунистов, «перебрасываемых в деревню», предлагалось не менее половины «забронировать для нужд информационно-просветительной работы» [Там же, с. 106]. ЦК РКП(б) обязал также губернские комитеты Коммунистической партии пересмотреть состав преподавателей по обществоведению в школах фабрично-заводского ученичества и усилить его. Предлагалось выделить преподавателей по обществоведению там, где их не было, за счет квалифицированных коммунистов [7, с. 84].

Осенью 1923 г. была унифицирована комсомольская система политобразования – три ступени с учетом знаний слушателей [17, с. 122].

Решением ЦК РКСМ от 16 сентября 1924 г. о зачетном чтении активиста каждому комсомольцу вменялось в обязанность читать литературу индивидуально по списку, который составлялся на год. Ежемесячно под руководством партийца-пропагандиста каждый комсомолец сдавал зачет по прочитанной прессе и литературе [12, д. 13, л. 271-272]. Контроль, осуществляемый при составлении «списков литературы», усиливался проверкой усвоенного комсомольцами.

Нельзя не согласиться с В. К. Криворученко: «Внешне политический контроль не представлял карательные меры, но на самом деле он жесток, здесь легко человеку навешать надуманные обвинения и, в конце концов, подвести к самым суровым наказаниям» [6].

Так, в ходе политпроверки 1926 года А. Н. Файнберг был отстранен от поста секретаря райкома ВЛКСМ. Поводом послужило его сообщение о пьянке высокого партийного чиновника. Примечателен сам диалог на политпроверке:

«– Вас исключили, – утверждает-спрашивает Рыбников, – за огульную дискредитацию вне рамок устава.

– Я говорил на ячейке, – возражает Файнберг. – Я знаю устав: нельзя переносить внутривнутрипартийные разногласия в среду беспартийных.

– Поступили сведения, – переходит к основному Рыбников, – что вы ведете фракционную работу. Вербуете в оппозиционную группу, имеете связь с Москвой и Харьковом (столица Украины), встречались с Драновским, Подгайцем, получили “Платформу 84”.

– С Драновским встречался, – не отрицает Файнберг, – его рекомендовал Мазур. Из Харькова приезжал человек, рассказывал, что происходит в ЦК, о документах, которые Ленин оставил Крупской.

– Он агент оппозиции, – утвердительно Рыбников» [1].

Даже художественные произведения зафиксировали определенный страх перед политпроверками. В романе В. В. Вересаева «Сестры» одна из героинь в 1925 году опасалась: «Я молчала, от волнения горели щеки. Что если в райкоме сделают предварительную политпроверку, и я не подойду? До черта будет тяжело и стыдно. Наверное, там будет заседать целая комиссия». Правда, результат политпроверки на этот раз был другим: «Оказалось все очень просто: в пустой комнате сидел парень. Он нас только спросил, работали ли мы в этой области, и записал, какой ступенью хотим руководить. Буду работать на текстильной фабрике, там все больше девчата. С ребятами интереснее, а с девчатами легче» [3].

В пропагандистских материалах подчеркивалось, что политпроверка «не должна иметь ничего общего со старыми экзаменами»: по мнению организаторов политпроверок, важно выяснять не ученый багаж проверяемого, не объем тех знаний, который он вычитал, вызубрил на память из книжек, а насколько член такой-то группы умеет разбираться в окружающей обстановке. «Политпроверка, таким образом, должна преследовать цель не выяснения, сколько от такой-то книжки осталось в памяти товарища, а насколько он полученные знания умеет применять на практике, в жизни», – писала, в частности, газета «Советская Сибирь» [4]. При политпроверках не исключалось выяснение усвоения тех или иных учебных материалов, но изначально это считалось дополнительной функцией. Прежде всего, политпроверки представлялись в виде собеседований по вопросам текущей внутренней и международной политики. Но в условиях, когда содержание предмета с трудом представляли и проверяющий, и проверяемый, ход политпроверки был труднопредсказуем.

Кстати, непредсказуемость политпроверок подтверждает и герой знаменитого романа «Как закалялась сталь» Н. Островского Панкратов: «Заелся я с одним товарищем из комиссии. Подкидывает он мне такой вопрос: “Скажите, товарищ Панкратов, какие сведения вы имеете по философии?”. А сведений-то, понимаешь, у меня никаких и не было. Но тут же вспомнил, был у нас грузчик один, гимназист, бродяга. В грузчики из форсу поступил. Он нам рассказывал как-то: черт его знает когда в Греции были такие ученые, что много о себе понимали, называли их философами. Один такой типчик, фамилии не помню, кажись, Идеоген, жил всю жизнь в бочке и так далее... Лучшим спецом среди них считался тот, кто сорок раз докажет, что черное – то белое, а белое – то черное. Одним словом, были они брехуны. Ну вот, я рассказ гимназиста вспомнил и подумал: “Объезжает меня с правой стороны этот член комиссии”. А тот с хитринкой на меня поглядывает. Ну, я тут и жажнул: “Философия, говорю, это одно пустобрехство и наводка теней. Я, товарищи, этой бузой заниматься не имею никакой охоты. Вот насчет истории партии всей душой бы рад”. Давай они меня тут марьяжить, откуда, мол,

у меня такие новости про философию. Тут я еще кое-что прибавил со слов гимназиста, от чего вся комиссия в хохот. Я обозлился. “Что, говорю, вы с меня тут дурака строите?” За шапку – и домой» [8, с. 128].

В ходе политпроверки можно было напугать отстранением от комсомольской работы, сославшись на что угодно, в том числе и на незнание философии, как во фрагменте из романа Н. Островского.

В результате приходится согласиться с оценкой политпроверок В. К. Криворученко: «Это был чистейший политический контроль, который позволял выявить не только знания, но и их усвоение, соответствие коммунистической идеологии и политике партии. Политическая проверка (как более узкое понятие) была лишь формой, инструментом политического контроля (более широкого понятия), по существу являлась проверкой молодых людей по всем вопросам их общественно-политической жизни» [6].

Причем проверка самих политических знаний оставалась малоэффективной. Можно только гадать о доле соответствия результатов политпроверок истинному состоянию политических знаний. Но трудно опровергнуть, что большинство комсомольцев, не имея общеобразовательной подготовки, а часто и вообще не умея читать, вряд ли вообще имели хоть какие-то политические знания. Тем более что на самих политзанятиях история политической мысли изначально была ограничена историей социалистических идей. В связи с обострением внутрипартийной борьбы и укреплением единоличной власти И. В. Сталина она сужалась до уяснения сути положений последних партийных форумов, выступлений политиков, находящихся у власти.

В 1923 г. официально были признаны политически неграмотными две трети комсомольцев. В 1924 г. 75,3% комсомольцев СССР были признаны политически неграмотными. В 1925 г. процент политически неграмотных, соответственно результатам политпроверок, возрос до 79,5%. Доля комсомольцев третьей группы политзнаний, то есть способных к самостоятельному изучению политической литературы, наоборот, стремительно уменьшалась: в 1923 г. – 8,6%, в 1924 г. – 5,5%, в 1925 г. – 3,6% [9, с. 27; 10, с. 140; 11, с. 8, 9; 13, д. 618, л. 3].

С нашей точки зрения, главной задачей политпроверок, как и самих политзанятий, было не выяснение понимания материала, а привитие образцов политического поведения. На политических проверках, чтобы получить положительную оценку, надо было не удивлять знаниями (этим как раз можно было вызвать только определенное раздражение у проверяющих, которые, как правило, сами имели очень низкий уровень общеобразовательной подготовки), а показать свою верность генеральному курсу, умение использовать «новояз».

В какой-то мере политпроверку можно сравнить с исповедью христианина, который мало разбирается в тонкостях религиозных обрядов и никогда не читал даже Библию, но уверенно говорит «Верую!» и получает прощение за все грехи свои.

Список литературы

1. Акinitова Л. Б. Жизнь как сказка: воспоминания [Электронный ресурс]. URL: <http://onu.edu.ua/pub/bank/userfiles/files/science/akinitova.doc> (дата обращения: 30.01.2013).
2. Ванин В. А., Слезин А. А. Тенденция к романтизации в идейно-воспитательной работе комсомола в середине 1950-х годов // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 1. С. 73-79.
3. Вересаев В. В. Сестры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/RUSSLIT/WERESAEW/sestry.txt> (дата обращения: 03.02.2013).
4. Диман. К предстоящей политпроверке // Советская Сибирь. 1924. 9 мая.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 9-е. М., 1984. Т. 3.
6. Криворученко В. К. Политика как определяющий фактор в советской образовательной системе 1920-1930 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Krivoruchenko/> (дата обращения: 26.01.2013).
7. Наследникам революции: документы партии о комсомоле и молодежи. М., 1969.
8. Островский Н. Как закалялась сталь. Киев: Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1954.
9. Отчет ЦК РКСМ. М., 1924.
10. Отчет ЦК РКСМ VII Всесоюзному съезду. М., 1926.
11. РЛКСМ в цифрах. М., 1925. Вып. 3.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 4.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16.
14. Слезин А. А. Источниковая база истории раннего комсомола // НВ: Исторические исследования. 2012. № 2. С. 108-148.
15. Слезин А. А. Политический контроль как функция государства // Юридический мир. 2007. № 1. С. 59-63.
16. Слезин А. А. Политическое просвещение молодежи 1920-х годов как звено системы политического контроля // Политика и общество. 2010. № 3. С. 52-59.
17. Товарищ комсомол: документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ 1918-1968. М., 1969. Т. 1.

KOMSOMOL POLITICAL INSPECTIONS IN SOVIET SYSTEM OF POLITICAL CONTROL OF THE 1920S

Skoropad Aleksei Eduardovich
Tambov State Technical University
hist-tstu@mail.ru

Revealing the role of political inspections, which were carried out in Komsomol organizations of the 1920s in the soviet political control system, the author shows that they were intended to clarify the degree of young people's loyalty to the soviet power, pays attention to the inclusiveness and unpredictability of political inspections content, and concludes that the whole system of political education after the introduction of political inspections remained ineffective, the majority of Komsomol members did not possess real political knowledge.

Key words and phrases: young people; Komsomol; political control; Communist Party; political education; political inspections.